

Ямен находился в уездном городе, а в Юнься имелось лишь управление с мелкими чиновниками, ведавшими делами деревень и поселков. От Юнься до уездного ямена пешком нужно было идти больше двух часов. На бычьей повозке около часа с четвертью. Быстрее всего, конечно, было на конной повозке - меньше часа.

Прикинув время, Лин Син решил, что ради спешки можно и раскошелиться: пусть дорога займёт полтора часа, зато без задержек. Втроём они отправились в единственный в городе двор для найма повозок. Шэнь Хуэй умел управлять лошадью, так что удалось сэкономить тридцать вэней на вознице. Аренда повозки на день стоила сто семьдесят вэней.

По государственной дороге простая повозка ехала ни быстро ни медленно. Внимание Шэнь Хуэя было наполовину сосредоточено на дороге впереди, наполовину - на том, что происходило в повозке за спиной. Этот Ли, на первый взгляд скромный и застенчивый книжник, на деле будто бы все конфуцианские каноны проглотил и переварил не тем местом. Ни капли чувства меры, ни тени приличий. Под предлогом того, что нужно подробнее обсудить рецепт, чтобы потом в разговоре с уездным судьёй сказать пару слов в пользу Лин Сина и тем самым увеличить шансы на личную встречу, он совершенно открыто забрался в повозку и уселся рядом с его старшей невесткой.

Шэнь Хуэй с каменным лицом вёл повозку, ведя её ровно и плавно, так, чтобы тряска была минимальной, и чтобы сидевшие внутри ни при каких обстоятельствах не соприкоснулись телами.

Перед въездом в уездный город пришлось спешиться: здесь проверяли приезжих и взимали пошлину за въезд. Очередь была недлинной, и вскоре подошла их очередь. Заплатив по три вэня с человека, они без препятствий въехали в город.

- Я думал, что въезд стоит пять вэней, а оказалось три.

В повозке Лин Син вспомнил, как в самом начале, только планируя торговать, расспрашивал Шэнь Лая о делах в уезде Юньшуй. Тогда Шэнь Лай говорил, что плата за въезд в уездный город составляет пять вэней.

Услышав это, Ли Хуэйюань пояснил:

— Ещё два года назад так и было, брали по пять вэней. Но после того, как уездным судьёй стал господин Линь, он, сжалившись над трудной жизнью простого народа, снизил сбор на два вэня.

— Вот как, — понимающе кивнул Лин Син.

Уездный ямен выглядел столь же старым и строгим, как и городские ворота: простые, потемневшие от времени строения. Зато два каменных льва у входа были совсем новыми - высеченные чётко и тщательно, они выглядели величественно и внушали невольный трепет.

У ворот ямена дежурили двое мелких чиновников с мечами на поясе. Завидев подъезжающую повозку, они тут же шагнули вперёд и громко окликнули:

— Эй, эй! Это вход в уездный ямен, здесь нельзя останавливать повозки!

Ли Хуэйюань вовремя приподнял полог и с улыбкой обратился к ним:

— Брат Сунь, брат Ван, это я, Ли-саньлан.

Сунь Юй и Ван Туань знали Ли Хуэйюаня. Каждый месяц он являлся в уездный ямен для встречи с уездным судьей. Не потому, что, получив покровительство, стал навязываться, напротив, это было прямое распоряжение самого уездного судьи: раз в месяц проверять его учёность и успехи в учёбе.

Узнав Ли Хуэйюаня, оба стражника сразу смягчились, и прежняя суровость исчезла с их лиц.

Ван Туань хмыкнул и с усмешкой сказал:

— Разве Саньлан не приходил совсем недавно? Что ж ты снова явился - опять уездный судья решил тебя погонять?

— Брат Ван, не подшучивай надо мной, — с улыбкой ответил Ли Хуэйюань.

Ли Хуэйюань быстро спрыгнул с повозки:

— Господин уездный судья сейчас в ямене?

— Как раз вовремя, только что вернулся, — ответил Ван Туань. Он даже не взглянул ни на Шэнь Хуэя, ни в сторону повозки, будто и не интересовался, кто там внутри, и сразу спросил Ли Хуэйюаня: — Провести тебя внутрь?

— Буду признателен, брат Ван.

Ли Хуэйюань с почтением сложил руки в приветственном жесте, затем повернулся к Шэнь Хуэю и указал направление - там можно было поставить повозку, место находилось близко к уездному ямыню.

Войдя в ямен через боковые ворота, Ли Хуэйюань услышал недовольное бурчание Ван Туаня:

— Где ты нашёл этого возницу? Совсем без глаз и без разума, людей видит и никакого почтения.

Ван Туань был раздражён: какой-то возница и даже взглядом его не удостоил, будто вовсе не заметил. Если бы рядом не было Ли Хуэйюаня, он бы непременно проучил наглеца.

— О, это не возница, — Ли Хуэйюань на мгновение замялся, подбирая слова, и в конце концов выбрал наиболее уместные. — Это младший брат мужа моего друга.

На первый взгляд фраза звучала обыденно, но стоило вдуматься, и в ней появлялся странный оттенок. Ван Туань уловил скрытый смысл, прищурился и с усмешкой заметил:

— Друг - фулан? Знал я, что ты, Саньлан, человек общительный, но не думал, что и с фуланами умеешь заводить дружбу.

— Он... — Ли Хуэйюань вспомнил Лин Сина, и его взгляд заметно смягчился. — Он очень хороший человек. И человек с тяжёлой судьбой. Брат Ван, не стоит насмехаться. Я искренне его уважаю.

Ван Туань замолчал, но, украдкой бросив на него несколько взглядов, всё же не удержался:

— Саньлан, ты ведь знаешь, что по закону тому, кто вмешивается в чужие чувства, путь к экзаменам закрыт, верно?

Новый император династии Юй предъявлял к тем, кто стремился поступить на государственную службу, самые строгие требования за всю историю прежних династий. От чиновников он требовал не только учёности и культурной образованности, но и безупречных нравственных качеств. В прежние времена на это не обращали внимания вовсе. Тогдашний император умудрился даже взять в гарем наложницу собственного отца, став ей одновременно и сыном, и мужем. Видя такой пример, сановники тоже пустились во все тяжкие: с одной стороны, заискивали перед государем, а с другой, творили за его спиной всевозможные беззакония. В итоге все они погрязли в наслаждениях и распущенности: император стал правителем погибшего государства, а его приближённые кто погиб, кто был искалечен. Никто из них не закончил хорошо.

Поэтому с самого основания династии Юй было чётко установлено: всякому, кто желает служить государству, запрещено иметь какие-либо отношения с замужними людьми; запрещено посягать на жён и наложниц отцов и братьев, а также на их внебрачных спутниц. Можно было попытаться скрыть проступок, но если дело вскрывалось или находился человек, готовый донести, обвинение в обмане государя становилось невыносимым бременем, какое простой человек выдержать не мог.

Император придавал этому огромное значение, твёрдо намереваясь не повторять путь прежней династии. Из-за этого немало людей пользовались законом как оружием, намеренно подставляя политических противников. В первые годы это вызывало настоящий переполох: всюду царила тревога, люди жили в постоянном страхе.

Если оглянуться назад, можно признать - среди пострадавших действительно были и невинные. Но куда чаще под удар попадали знатные роды и могущественные кланы. Новая династия, утвердившись, могла выбрать лишь одно из двух: либо сломить укоренившиеся аристократические семьи, либо задобрить их и заставить служить новому государству.

Очевидно, император выбрал первый путь.

Ли Хуэйюань всё-таки был человеком учёным, и он умел видеть обратную сторону этих политических установлений и законов. Однако нельзя было сказать, что император использовал их лишь как предлог, чтобы занести меч над головами знатных родов. Законы действительно приводились в исполнение.

Ли Хуэйюань понимал, что слова Ван Туаня были сказаны из добрых побуждений. Тот просто опасался, что его могут неправильно понять или счесть человеком, покушающимся на чужого супруга. Поэтому Ли Хуэйюань, не имея иного выхода, пояснил:

— Его муж уже скончался.

Услышав это, Ван Туань заметно расслабился. Тогда всё было в порядке. Вдовствующий гер мог вступить в новый брак, подобное не подпадало под запреты закона.

Они вошли во внутренний двор и дальше уже молчали. Задний двор уездной управы был словно иным миром по сравнению с фасадной частью. Спереди - ветхость и запустение, а здесь - богатство и роскошь.

Уездный судья Юньшуй происходил из боковой ветви столичного знатного рода Линь. Первой «жирной овцой», с которой нынешний император начал свои чистки, стал именно род Линь. Иначе даже самый захудалый представитель этого клана не оказался бы уездным судьей в таком захолустье. А если уж и быть уездным судьей, то никак не в бедном уезде, а в богатом и прибыльном месте.

Как говорится, даже худой верблюд всё равно крупнее лошади. А род Линь и вовсе не погиб: император лишь временно прижал их, ослабив влияние. В последние годы уже начинали проявляться признаки возрождения. Среди Линь было немало чиновников, но не меньше и купцов. Говорили даже, что в домах Линь мыши были такими упитанными, что походили на кошек.

Уездный судья, будучи выходцем из семьи Линь, с детства жил в роскоши и изобилии. Даже оказавшись в уезде Юньшуй и вынужденный, чтобы не давать повода столичным сплетням, поселиться в обветшалом здании управы, он всё равно добивался того, чтобы жить удобно и со всеми возможными удобствами. Спереди лишь заново установили пару каменных львов для приличного вида: фасад управы и главный зал имели строгие предписания и не могли быть самовольно перестроены. Даже ремонт требовал разрешения двора и направления мастеров из Ведомства общественных работ.

Зато жилые помещения в задней части можно было обустроить по вкусу самого чиновника при условии, что в убранстве не будет ничего, нарушающего установленный порядок и иерархию. Именно поэтому задний двор управы, при всей своей скромной площади, был устроен на удивление полно и изысканно. По-настоящему «мал да удал»: каждый шаг - отдельный вид, каждая деталь - подчеркнутая роскошь. Даже на верхушках каменных фонарей были установлены ночные жемчужины.

Линь Цинъюй, облачённый в расшитый парчовый халат со сложным и причудливым узором, без всякого чиновничьего достоинства сидел у небольшого пруда с удочкой в руках. Поплавок едва дрогнул, и он тут же дернул леску. Жирная рыба, вцепившаяся в крючок, вылетела из воды, а брызги прочертили в воздухе тонкую дугу.

— Ай! Ещё одна попалась, — довольно воскликнул он.

Ему было тридцать шесть. Он носил красивую бороду, аккуратно расчёсанную и гладкую. Лёгкий ветерок шевелил её кончики, придавая ему вид свободного от мирской суеты отшельника, почти бессмертного даоса.

И тут из пруда вдруг вынырнул человек.

— Господин, прикажете слуге ещё пару рыб вам на крючок насадить? — спросил мелкий чиновник, хорошо умеющий плавать. Он вытер лицо от воды и заискивающе посмотрел на Линя, который раз за разом «ловил» рыбу, хоть сам толком рыбачить и не умел, но страсть к этому делу питал особую.

И впрямь непонятно, как при таком крошечном пруду с ладонь, куда запустили столько мальков, господин Линь умудрялся не выловить ни одной рыбы собственными руками. Линь Цинъюй взглянул на садок, где плескались пять живых, упитанных рыб, и подумал, что малая рыбалка для удовольствия, а чрезмерная - во вред. Немного порадоваться, и достаточно. Во всём ведь нужна мера.

— Выбирайся. Ступай к Линь Шаню, получишь пять лян серебра, — небрежно сказал он.

Мелкий чиновник был немного разочарован: сегодня господин Линь «поймал» всего пять рыб. В прошлый раз его сослуживец нанизал на крючок десять и сразу заработал десять лян. Впрочем, и пять лян деньги немалые, просто в сравнении с десятью кажется вдвое меньше.

Смешанные чувства радости и досады отразились на лице чиновника, когда он выбрался на берег. С него текла вода, но и тогда он не забыл почтительно поклониться.

— Этот подчинённый откланивается.

Проводив его взглядом, Ли Хуэйюань, стоявший на почтительном расстоянии, сложил руки в

приветственном жесте:

— Приветствую вас, господин.

Линь Цинъюй заметил его ещё раньше и теперь кивком подозвал:

— Подойди. Выпусти рыбу обратно.

— Слушаюсь.

Ли Хуэйюань привычным движением стал выпускать рыбу в пруд. Лишь когда в садке осталась последняя, он заговорил:

— Господин, сегодня я пришёл с намерением преподнести вам один тайный рецепт.

Люди, воспитанные в больших домах, разумеется, не верят словам без причины. Линь Цинъюй сразу понял, что Ли Хуэйюань пришёл с просьбой. И это его не раздражало, напротив, за всё время это был первый случай, когда этот молчаливый юноша действительно обратился к нему за помощью.

Из уважения к тому, что прежде Ли Хуэйюань был послушным и вёл себя благоразумно, Линь Цинъюй соизволил снизить и разыграть с ним эту сцену.

— Вот как? И какой же тайный рецепт третий сын собирается мне преподнести? Давай, показывай, — небрежно сказал он.

Ли Хуэйюань как раз выпустил в воду последнюю рыбу. Услышав согласие Линь Цинъюя, он заметно разволновался и даже едва не забыл вытереть руки платком. Поспешно приведя себя в порядок, он достал из потайного кармана с внутренней стороны одежды письмо и, наклонившись, почтительно подал его:

— Рецепт записан в этом письме. Прошу вас, господин, ознакомиться.

Линь Цинъюй с безразличным видом принял письмо. Прочитав его от начала до конца, он слегка приподнял брови. Заставить тесто увеличиваться в объёме?

Любопытно. Похоже на фокусы, которые он любил смотреть.

— А человек, что просил тебя передать этот рецепт, пришёл? — спросил Линь Цинъюй.

На самом деле рецепт его мало интересовал. Куда больше ему хотелось увидеть самого

человека, понять, кто способен заставить Ли Хуэйюаня, того самого юношу, что всячески избегал любых связей с родами знати, решиться на этот визит. Этот парень лишь с виду казался кротким и безобидным, а на деле был исполнен честолюбия: с самого получения степени туншэна он выстраивал дорогу на десятилетия вперёд, стремясь стать «чистым чиновником». По сравнению с этим рецептом сам человек вызывал у Линь Цинъюя куда больший интерес.

Ли Хуэйюань не стал гадать, с какой именно целью Линь Цинъюй желает видеть этого человека. Для него было достаточно и того, что речь зашла о встрече с Лин Сином: это означало, что цель его визита уже наполовину достигнута.

Вторая половина дела зависела от того, согласится ли господин Линь принять рецепт и дать хоть какую-то защиту.

Древние порядки Лин Син знал хорошо во многом благодаря памяти прежнего хозяина тела. При прежней династии простолюдины обязаны были становиться на колени перед чиновниками. Однако при династии Юй император постановил, что лишь истинный Сын Неба и божества достойны коленопреклонения, и потому строго запретил чиновникам принимать поклоны до земли от народа. Нарушение этого правила приравнивалось к помыслам о мятеже.

Когда мелкий служащий привёл Лин Сина к пруду, тот, следуя укоренившимся в памяти правилам, сложил руки, глубоко поклонился, но на колени не опустился.

— Простолюдин приветствует господина уездного судью.

— Мм. Встань, — отозвался Линь Цинъюй.

Он разложил письмо с рецептом у себя на коленях и спросил:

— Это способ ты сам придумал?

— Я видел его описание в одном редком трактате, — спокойно ответил Лин Син. — После этого долго пробовал и сверялся с текстом, пока не сумел добиться нужного результата.

Ответ прозвучал ровно и уверенно, без малейшей запинки или волнения. Такое самообладание заставило Линь Цинъюя взглянуть на него внимательнее.

«Есть в нём смелость», — отметил он про себя.

И тут же подумал, что иначе и быть не могло: человек без дерзновения не осмелился бы прийти к нему за покровительством. Сколько бы он ни издавал указов о заботе о народе, по-настоящему приблизиться к нему из простых людей до сих пор решился лишь этот один.

Господин Линь, так и не разобравшись в причинах, наконец заинтересовался самим Лин Сином и уже не из-за Ли Хуэйюаня.

Он спросил:

— Ты меня не боишься?

Лин Син никогда прежде не имел дела с чиновниками. К тому же сейчас Линь Цинъюй сидел, рядом стояла корзина с рыбой, и в нём не ощущалось той давящей, внушающей страх ауры. Более того, чертами лица он чем-то напоминал Нефритового Императора из сериалов прошлой жизни Лин Сина. Так что даже если страх и был, теперь он почему-то не чувствовался.

— Будучи жителем уезда Юньшуй, — спокойно ответил Лин Син, — благодаря мерам и распоряжениям господина нам удаётся прокормить семьи. В глубине души этот простолюдин искренне считает вас хорошим чиновником, истинным отцом для народа. Перед отцовской строгостью, конечно, испытываешь трепет, но куда больше уважение и признательность.

Он на ходу выуживал из памяти всё, что когда-то читал о «высоком эмоциональном интеллекте в общении с начальством», соединяя разрозненные знания и наспех складывая ответ.

А ведь кто не любит, когда его хвалят?

Особенно тот, кого почти никогда по-настоящему не хвалили: услышав искреннее признание, человек сначала теряется, а потом радуется.

Род Линь славился талантами, но за всю жизнь Линь Цинъюй впервые услышал столь прямое и неподдельное одобрение. Это было совсем не похоже на вымученные, заученные комплименты. Ему стало приятно, и на лице появилась мягкая, доброжелательная улыбка.

— Скажи ещё, — сказал он.

<http://bllate.org/book/13938/1331984>